

Зарубіжна література в школах України

№ 5, ТРАВЕНЬ 2009

Свідоцтво про ДР Серія КВ № 8679
Заснований 1996 року

ЗАСНОВНИКИ:

Івано-Франківський обласний інститут
підготовки педагогічної освіти та
видавництва "Антросвіт"
За підтримки МОН України

Керівник видавничого проекту
Казимир Антоневський

Головний редактор
Віктор Рогозинський

РЕДАКЦІЙНА РАДА:

Н.М. Бібік, д. пед. н.
Г.В. Бітківська, к. пед. н.
О.І. Бульвінська, к. пед. н.
Є.М. Васильєв, к. філол. н.
М.С. Вашуленко, д. пед. н.
Н.Й. Волошина, д. пед. н.
А.В. Градовський, д. пед. н.
А.І. Гурдуз, к. філол. н.
С.Ю. Дітькова, к. пед. н.
С.О. Жила, д. пед. н.
З.В. Кирилук, д. філол. н.
Ю.І. Ковбасенко, к. філол. н.
І.В. Козлик, д. філол. н.
І.В. Лімборський, д. філол. н.
А.М. Мартинець, к. пед. н.
В.Г. Матвійшин, д. філол. н.
Т.П. Матюшкіна, к. пед. н.
В.М. Назарець, к. філол. н.
Д.С. Наливайко, д. філол. н.
Р.Р. Петронговський, к. пед. н.
Т.О. Пахомова, д. пед. н.
А.Л. Ситченко, д. пед. н.
О.І. Скобельська, к. філол. н.
О.В. Слоновьська, к. філол. н.
М.В. Теплінський, д. філол. н.
В.М. Тихомиров, д. філол. н.
Р.Ш. Чілачава, д. філол. н.
Л.М. Шкаруба, к. філол. н.

Методисти:

К.Н. Баліна, Н.І. Белей, О.П. Борківська,
В.О. Братко, О.О. Гузь, Л.С. Зіневич,
Л.В. Ковбасенко, Т.М. Полякова,
В.Л. Федоренко, Л.О. Фурсова,
І.А. Хроменко, І.Г. Ціко, Ю.М. Чухненко

Наукові консультанти:

А. В. Градовський,
Ю.І. Ковбасенко, І. В. Козлик,
В. М. Назарець, А. Л. Ситченко

Відповідальний секретар
Ірина Мокреєва

Редактори відділів:
Алла Вірник, Валентина Рогозинська

Дизайн, верстка
Дмитро Лебедь

☎ 400-01-52

03055, Київ-55, а/с 68
Видавництво „Антросвіт“
„Зарубіжна література“

Індекс видання 90230

E-mail: antrosvit@ukr.net

ЗМІСТ

Літературознавство і школа

До 200-річчя від дня народження Юліуша Словацького
Хороб С. Символ "жертвопринесення" у драматургії Юліуша
Словацького і Лесі Українки: фольклорно-міфологічний вимір. . . . 2

Актуальне дослідження

Бистрова О. О. Наукова спадщина Д. Чижевського — необхідна
складова знань учителя-словесника. Дослідження Д. Чижевським
творчості Ф. Достоєвського. 7

До 200-річчя від дня народження М. В. Гоголя

Гладышев В. В. "Я люблю добро, я ищу его и сгораю им".
Гоголь-писатель и Гоголь-моралист в оцінці Сергея Довлатова. . . 11

Перспективи літературної освіти

Ковбасенко Ю. І. Літературна освіта на шляху міжкультурної
і міжнаціональної комунікації: міст чи прірва? 14

Методична наука і шкільна практика

Градовський А. В. Методика вивчення сонетів Шекспіра. 16
Дітькова С. Ю. Методика изучения пьесы А. П. Чехова
"Вишневый сад". 18

Редакційна пошта

Пулина Г. А. Неюбилейное интервью. 23
Приходько Л. І. Колиска талантів. Презентація учнівської
поетичної збірки у Ніжинській гімназії. 25
Івасюк Н. Г. З досвіду роботи. Конспекти уроків за творами
Джека Лондона, Льюїса Стівенсона та Рея Бредбері. 27

Методика і досвід

Методичне розмаїття

Назарець В.М., Васильєв Є.М. Методичні рекомендації
щодо вивчення постмодерністських творів
Йосипа Бродського та Умберто Еко. 11 клас. 30
Лобода О. П. Система уроків з вивчення роману М. Лермонтова
"Герой нашего часу". 9 клас. 34
Левченко С. В. Конспект уроку з вивчення оповідання Шолохова
"Доля людини". 7 клас. 37

Додаткове читання

Веремійчук О. Д. Мотив таємниці та детективні елементи
в романі Ч. Діккенса "Пригоди Олівера Твіста". 7 клас. 38
Павлунь А. П. Джек Лондон — співець сильних і благородних
почуттів. Урок додаткового читання за повістю "Біле Ікло". 6 клас. . . 40
Єфімова І. В. Урок-презентація інтерактивних технологій.
До дня народження М.В. Гоголя. 43

Відкритий урок

Баліна К. Н. "Книга пісень" Франческо Петрарки.
Художня і психологічна своєрідність лірики поета. 8 клас. 47

Літературна гра

Андрусик С. І. Щасливий випадок. Літературна гра. 8 клас. 50

Позакласні заходи

Тверитинова Т. И. По волне моей памяти.
Літературно-музикальна композиція. 52

На 1-й стор. обкладинки — Умберто Еко. Фото

На 4-й стор. обкладинки — Фрідріх Дюрренматт. Фото

Формат 60x84/8. Зам. 3692.

Друкарня ТОВ „ЗАДРУГА“, м. Київ, вул. Фрунзе, 86
© „Зарубіжна література в школах України“, 2009

"По волне моей памяти"

Литературно-музыкальная композиция

Вместо предисловия

"По волне моей памяти" — это строчка из стихотворения современного кубинского поэта Николаса Гильена. Это название музыкального альбома, рок-сюиты известного московского композитора Давида Тухманова. Но это по волне и моей памяти — моих воспоминаний о первом знакомстве с талантливой музыкальной интерпретацией поэтических текстов мировой литературы.

(На сцене атмосфера литературного салона. Участники сидят в креслах, на столиках — цветы и канделябры.)

Звучит музыкальное вступление 1-ой песни "Я мысленно вхожу в ваш кабинет").

1-й ведущий. В 1975 году композитор Давид Федорович Тухманов, известный своими патриотическими песнями, предложил слушателям новую и совершенно неожиданную работу — рок-сюиту "По волне моей памяти", изумив возможностью современного музыкального прочтения текстов классической поэзии. Диапазон был потрясающим — от античности до середины XX века. И теперь, спустя годы и десятилетия, отдельные песни из этого альбома любимы и узнаваемы. Отдельные — но не все. Мы же хотим не спеша перелистать каждую страницу этого альбома, перечитать искренние и изысканные строки, чтобы понять авторский замысел: путешествие по волне памяти.

(1-ая песня альбома на стихи М. Волошина "Я мысленно вхожу в ваш кабинет").

2-ая песня "Из Сафо" звучит до конца без повтора.)

2-й ведущий. Автором только что прозвучавшей песни была Сафо — знаменитая древнегреческая поэтесса. Ее наследие, дошедшее до нас, невелико — одна целая поэма и несколько фрагментов. И все же этого достаточно, чтобы называть ее одной из выдающихся поэтесс всех времен. Сафо была не просто представительницей музыкально-песенной лирики, она изобрела любовную песню. Все последующие поэты — Еврипид, Катулл, Овидий — говорили о любви на языке Сафо. Благодаря ей мы доныне слушаем романтические песни, в которых воспевается пламя страсти и горько-сладкая боль любви.

Жизнь и смерть страстной Сафо, как называли ее современники, окутаны противоречивыми легендами. Известно, что она вынуждена была покинуть родной Лесбос из-за начавшихся гонений против аристократии, а вернувшись, поселилась в городе Митиленах, почему впоследствии ее стали называть Сафо Митиленской, в отличие от другой Сафо — Эресской, обыкновенной куртизанки, жившей гораздо позднее знаменитой поэтессы. Известен и ее роман — объяснение в стихах — с поэтом Алкеем. Сафо была замужем за богатым андрийцем Керкиласом, имела дочь Kleиду. Но безжалостная судьба не позволила ей долго наслаждаться семейным счастьем: друг за другом муж и маленькая дочь ушли от нее в мрачное царство Аида. Оставшись одна, Сафо основала и возглавила в Митиленах школу риторики, так называемый "Дом служительниц муз". Не следует пренебрегать тем фактом, что эта школа носила характер религиозной общины: культовое сообщество в то время представляло естественную форму всякого воспитательного учреждения. Сафо хотелось помочь девушкам путем занятия искусствами, общения друг с другом и служения Афродите воплотить в обществе, в котором им придется занять свое место, женский идеал красоты. Поэтому, готовая девушек к замужеству, она учила их воплощать свое женское призвание в радости и красоте.

В древности существовало много других преданий насчет отношений поэтессы к ее подругам и избранни-

кам. Начало их было положено представителями аттической комедии, которые, не поняв смысла поэзии Сафо и относясь к культурному развитию эолийской женщины начала VI в. с точки зрения современной им афинской действительности, превратно истолковали некоторые намеки на образ жизни поэтессы, изрядно перепутав факты ее биографии с Сафо Эресской. К таким эпизодам относится и предание о самоубийстве Сафо в 572г. до н.э., бросившейся с Левкадской скалы из-за несчастной любви к юноше-перевозчику Фаону.

Однако стоит прислушаться к мнению современников: она пользовалась уважением Алкея, Солона, Платона, митиленцы чеканили ее изображение на монетах, поэты и философы называли ее "лесбосским соловьем", "достоинмой", "божественной", "целомудренной", "непорочной", "десятой Музой". Страбон называл ее не иначе, как "чудом", утверждая, что "напрасно искать во всем ходе истории женщину, которая в поэзии могла бы выдержать хотя бы приблизительно сравнение с Сафо".

1-й ведущий.

*На двадцать пять веков вперед
Перелетят мои творенья,
Пусть тот, кто крик души прочтет,
Узнает цвет не роз — сирени,
И взяв не лиру — солнце взяв,
В распахнутые дни и ночи,
Услышит сны моих октав,
Не замечая, как полощат
Мои стихи веков ветра,
Где я казалась безрассудной
Где явь дышала пеньем трав,
И в каждом миге зрело чудо,
Где длилось время взглядов птиц,
И наполнялось вздохом амфор,
Где за движением ресниц
Следил голубоглазый автор
Не зная, что еще грядет,
Не веря в вещих снов знаменья,
Он пил стихов горячий мед,
И мчались в полночь злые тени.
Мне от поэзии ключи
Вручили боги в дивном храме,
Но зависть, зависть тех мужчин,
Чья радость не поет стихами,
Меня порой смешит, дразнит
О, искушенья остролыбьем!
И пусть они меня казнят,
Но не обидой, а любовью!
Желанья в ужасе дрожат,
Умы в плену у обещаний,
И тот, кто завистью зажат,
Из тех мужчин, что не прощают
Таланта женщине, не вдруг
На яркость, красоту клеветуют,
Нет, не собратом по перу, —
Фемину называют вещью.
И, безразличием поправ,
Листают дневники с презреньем,
Пусть превратится в скорбный прах
Тот, хмурый, кто меня заденет!
Мир одиночества — броня,
Мир войн непоправимо узок.
Платон был прав, назвав меня
Десятой, самой лучшей музой!
Я людям солнечность несую,
Мне сердце детское вложили!
Я жизнь люблю — в ее лесу*

Пою блаженство — не бессилье!
 Мне до ворот Эдема — шаг,
 Мне несвобода — хуже плети...
 Звенит струной моя душа
 На эолийском диалекте.
 Я жажду зноя душ и тел.
 Пусть Эрос смотрит виновато,
 Не он ли пошутить посмел,
 Скрестив мой взгляд с душой Сократа?
 Я славлю женщину. Не вняв
 Потокам света над равниной,
 Меня прельщает нежный нрав,
 Единственной, чьи луны мимо
 Меня прошли, навек плена,
 О, взгляд богини, той, что ранит,
 Без нежной страсти нет меня,
 Вздыхая ночь в небесной ванне,
 Изящного искусства дочь —
 Мне б убежать в частливый эпос!
 Гетеры метиленской ночь
 Укроет негой остров Лесбос.
 Мой рок меня всю жизнь искал,
 Но я во тьме неразличима,
 Нет, не бросалась я со скал,
 Тем более из-за мужчины!
 Я в сладкой музыке тону,
 Не замечая круговерти,
 Твои колени обниму,
 Богиня страсти и бессмертья!
 Навечно мы с тобой вдвоем,
 И нет прекраснее союза!
 Я стану вечным соловьем,
 Средь смертных муз бессмертной музой.
 (О.Олгерт. Песни Сафо).

(Звучит окончание песни № 2 "Из Сафо".
 3-я песня "Из вагантов" звучит до паузы).

3-й ведущий. Знакомая и всеми любимая песня студенческих дискотек, не так ли? И поется в ней о самом обычном явлении в нашей жизни: студент прощается со своими друзьями перед отъездом на стажировку в вуз другой страны. Вот только авторство этого текста принадлежит не нашему современнику, а средневековому странствующему автору и исполнителю своих песен — неизвестному ваганту, жившему 800, а то и 900 лет назад.

Поэзия вагантов, возникнув еще в раннем средневековье, достигла своего расцвета в XII—XIII вв. в связи с появлением университетов в Европе. Школяры и студенты были непоседливым народом и с целью усовершенствования своих знаний кочевали из города в город, тем более, что языком науки и междундеческого общения была латынь. Буйная учащаяся молодежь не отличалась нравственностью и общепринятыми правилами. Тогда говорили: "Школяры учатся благородным искусствам — в Париже, древним классикам — в Орлеане, судебным кодексам — в Болонье, медицинским припаркам — в Салерно, демонологии — в Толедо, а добрым правилам — нигде". Средневековая церковь в немалой мере позаботилась о том, чтобы вагантов воспринимали как бродячих дьяволов, горлопанов, выпивох и скандалистов, проповедовавших религию невежества и распутства. Однако ваганты отстаивали свой моральный критерий "законов естества": "Жизнь на свете хороша, коль душа свободна, а свободная душа Господу угодна".

Ваганты были образованными людьми: прекрасно знали античность, фольклор, церковную литературу, что нашло отражение в их поэзии. До нас дошло лишь несколько рукописных сборников их стихов, основной из которых, содержащий более двухсот песен и стихотворений различного характера — "Carmina Burana" (Бейренские песни — от латинизированного названия монастыря Бейнедикт Бейрен, где была впервые найдена эта рукопись). Исследователям удалось более или менее точно установить авторство лишь очень немногих произведений вагантов, большая же часть их осталась анонимной.

Остался неизвестным и автор текста только что услышанной песни. Называется она "Прощание со Швабией". Известно одно: он, уроженец баварской земли, едет на учебу в "счастливый город Париж, где учащиеся количеством превосходят местных жителей", где кафедральная

школа, школы аббатов святой Женевиевы и святого Виктора и множество профессоров, самостоятельно преподававших "свободные искусства", слились в одну ассоциацию — "Universitas magistrorum et scholarum Parisensium". В XII веке Париж был крупным центром богословия, и учиться там предстояло немного-немало десять лет. Письменных работ в средневековом университете не было, экзамены проходили в форме дискуссий. Так, на последнем экзамене выпускник от шести часов утра до шести часов вечера должен был выдержать "натиск" диспутантов, которые сменялись каждые полчаса без перерыва. Зато выдержавший испытания становился доктором и увенчивался особой черной шапочкой.

Однако предстоящие трудности и невзгоды не останавливают стремление будущего студента к знаниям и мудрости "во французской стороне, на чужой планете".

*Вот и все! Прости-прощай,
 разлюбезный швабский край!
 Захотел твой житель
 увидеть науки свет!
 Здравствуй, университет,
 мудрости обитель!
 Здравствуй, разума чертог!
 Пусть вступлю на твой порог
 с видом удрученным,
 но пройдет ученья срок, —
 стану сам ученым.
 Мыслью сделаюсь крылат
 в гордых этих стенах,
 чтоб отрыть заветный клад
 знаний драгоценных!*

(Звучит музыкальное окончание 3-ей песни.

4-ая песня "Приглашение к путешествию" звучит до паузы.)

4-й ведущий. Парадоксально, но факт: французский поэт Шарль Бодлер, написавший это "Приглашение к путешествию", вообще мало куда выезжал из Парижа. Первый раз — в 1841 году, когда его, двадцатилетнего юнца, поддавшегося всем превратностям самостоятельной жизни, семья посадила на "Пакетбот южных морей" и отправила в далекое путешествие в Индию. Однако спустя пять месяцев возле острова Бурбон, так и не доехав до Калькутты, он сумел уговорить капитана отправить его обратно. Было еще одно путешествие в Бельгию, осознанное, деловое, но ничего, кроме горького разочарования, оно не принесло. И все же в своей поэзии он писал о жажде плавания у всех, в ком есть "жажда путешествовать и обогащаться", о странах-зеркала, где все самые тайные желания исполняются, о бесконечных одиссеях, жаждущих привести "в глубь неизведанного, чтобы найти новое".

Большую часть своей короткой жизни Бодлер прожил в трагической нищете. Его обвиняли в безнравственности, сборник стихов "Цветы зла" изымали из продажи, возбуждали судебный процесс, обвиняя поэта в оскорблении морали. Мало кто из современников сумел понять его стихи — эту исповедь о скитаниях души, мятущейся, страждущей посреди жизненной распутицы, где злое и больное разлиты повсюду, гнездится в сердцах и умах. Он был безнадежным романтиком, остро реагирующим на жизненную пошлость и искавшим укрытия в царстве сладостных грез. Здесь и пригодились впечатления от пяти-месячного плавания по южным морям: тропические пейзажи, звуки, запахи в его стихах становились неизменным фоном идеального мира, царства света, где нет ни боли, ни страданий, где он может быть совершенно счастливым вместе со своей подругой.

Биографы донесли до нас имя адресата этих удивительных строк — Мари Добрен — и скудные сведения о ней: зеленоглазая, пышноволосая актриса. Роман их был непродолжительным, и среди других бодлеровских женщин она занимает очень скромное место. И все-таки — она жила в сердце поэта, и он посвящал ей стихи.

*Но ты люби меня, как нежная сестра,
 Как мать своей душой в прощании безмерной;
 Как пышной осени закатная игра,
 Согрей дыханьем грудь и лаской эфемерной.*

Бодлер, бравирова своим пренебрежительным отношением к женщинам, всю жизнь втайне мечтал об идеаль-

ной любви, о женщине-друге и о женщине-матери. Ведь женщина, по его словам, — это приглашение к счастью.

*(Звучит окончание 4-ой песни.
5-ая песня "Доброй ночи" звучит полностью).*

5-й ведущий.

*"Доброй ночи? В самом деле?
Нет! Останься до утра!
Ангел милый, неужели
Расставаться нам пора?
"Доброй ночи"? Слово чести,
До разлук я не охочу;
Доброй — разве что из лести
Назову такую ночь!
Ведь сердцам, что пламенели
С ночи до зари сам-друг,
"Доброй ночи!" в самом деле,
И сказать-то недосуг!*

Строки эти подкупают своей искренностью, веселой шаловливостью и простотой человеческого чувства. Посвящены они Мэри Уолстонкрафт Годвин, в которой английский поэт Перси Биши Шелли нашел свой идеал женской друга, умной и образованной женщины.

Их жизнь — настоящий сюжет для романтического романа, страстного, с переживаниями и приключениями, в равной степени наполненного поэзией и трагедией. Они познакомились в доме отца Мэри, либерального философа, журналиста и атеиста Уильяма Годвина. Затем — романтические свидания у могилы матери, писательницы-феминистки, к чьей памяти молодые люди относились с благоговением. И наконец — побег влюбленных в Швейцарию, где они провели целое лето, наслаждаясь свободой и счастьем на лоне чудесной природы. Счастье взаимной любви и духовной близости — вот что станет им опорой в дальнейших жизненных испытаниях, которые в избытке приготовили им судьба. От них отвернулись знакомые и близкие, их свободную любовь не признавал даже отец Мэри. Отравилась ее старшая сестра, тайно влюбленная в поэта. Умер их первенец. Материальные трудности, лишения и социальная изоляция вынудили покинуть Англию. Уже в Швейцарии они узнали о самоубийстве первой жены Шелли, что давало им возможность наконец-то пожениться. Однако долгожданное событие было омрачено известием о том, что Шелли лишили родительских прав на детей от первого брака. Несмотря на все трудности и утраты, вопреки извращенному общественному мнению они жили в своем мире творческих фантазий. Обыденность изо всех сил старалась сделать из них "обычных" людей, но они успешно преодолевали ее ограничения, равняя свои дела и мысли по звездам. Смыслом жизни Шелли была поэзия: он писал стихотворения, поэмы, поэтические драмы, многие из которых посвящал своей жене. Он и ушел из жизни как поэт-романтик: плававшая на яхте "Ариэль", утонул во время шторма неподалеку от итальянского Леричи. Было ему всего тридцать лет. На двадцать девять лет переживет Мэри своего Ариэля. Похоронит его сердце в Риме, вернется в Лондон, будет издавать его литературное наследие и продолжат писать свою прозу. Ее перу принадлежит пять романов и множество рассказов. Однако самым известным произведением, обессмертившим ее имя, останется роман "Франкенштейн", который написала она много лет назад, когда они жили в Швейцарии, общались с Байроном, и в литературных занятиях ей помогал любимый Шелли.

(6-ая песня "По волне моей памяти" звучит от начала до конца).

6-й ведущий. Поэт Николас Кристоаль Гильен Батиста (годы жизни 1902—1989) был единственным автором, кто мог бы услышать эту песню Тухманова на своих стихах. Тем более, что он побывал в Москве в 1954 году на съезде писателей и даже был удостоен премии "За укрепление мира между народами".

Родился Гильен на Кубе, в старинном городе Камагуэе — "отчизне пастухов и крае сомбреро". Тогда его родина, едва освободившись от испанского гнета, оказалась под американским влиянием. Своеобразной реакцией на

белый расизм было существование негритянских и мулатских обществ — ведь население острова, как презрительно говорили американцы, преимущественно было "цветным". Выходец из мулатской семьи Гильен сумел получить диплом бакалавра, сочетая работу в типографии с учебой в школе и сотрудничеством в негритянском обществе "Виктория", с которым связаны и его занятия поэзией и журналистикой. Так в его литературный мир прочно вошла негрисккая (афро-кубинская, афро-антильская) поэзия, а с нею — мир его родины, "изумрудной ящерицы в бирюзовом море".

Гильен проснулся знаменитым 20 апреля 1930 года: в специальном негритянском разделе крупной гаванской газеты "Диарио де ла марина" был опубликован его цикл "Мотивы сонна", то есть народного танца, сопровождающегося пением, в котором сливались элементы испанской народной песни и фольклор кубинских негров. Говоря о "Мотивах сонна", поэт писал, что его целью было "представить в форме, быть может, наиболее подходящей, беглые картинки нравов и типы людей из народа, таковы, какими мы их видим каждый день. Так, как они разговаривают. Так, как они мыслят..." И далее: "...что касается направленности моей поэзии, то, как я полагаю, мне наконец удалось найти себя. Меня властно привлекает изучение народа. Поиски внутреннего содержания его жизни. Рассказ о его горестях и радостях". Это было искусство "не для белых и не для черных, искусство национальное и народное".

Следующий сборник сонов вышел в мае 1947 г. в Буэнос-Айресе, где Николас Гильен остановился после странствий по Венесуэле, Колумбии, Перу и Чили. Именно в этом сборнике и находится стихотворение "По волне моей памяти", которое привлекло внимание Тухманова и было вынесено им в название альбома. Героиня — юная мулатка, грациозная и полная обаяния девушка, просто проходящая. Она прошла, не заметив восхищенный взгляд поэта, и скрылась в пестрой, вечно спешащей толпе людей, а он еще долго стоял, зачарованный этим видением, и размышлял о ее судьбе, о времени и о себе: "Когда это было? Когда это было: во сне, наяву? Во сне-наяву по волне моей памяти я поплыву..."

*Когда я пришел на эту землю,
никто меня не ожидал.
Я пошел по дороге со всеми
и этим себя утешал,
потому что, когда я пришел на эту землю,
никто меня не ожидал.
Я гляжу, как люди приходят,
как люди уходят
в славе или в обиде.
Я иду по дороге.
Нужно глядеть, чтобы видеть,
нужно идти по дороге.*

(Звучит 7-ая песня "Сентиментальная прогулка" на русском языке).

7-й ведущий. Когда в 1866 году в Париже вышел сборник стихов начинающего поэта Поля Верлена "Сатурнические поэмы", читатели едва ли обратили внимание на его лирические опысы: настолько непохожи они были на сочинения современников. Тогда все зачитывались поэзией парнасцев, восхищались утонченной ясностью стихов Ш.М.Р. Леконта де Лиля, безупречностью форм и четкостью образов Ж.М. де Эредиа. А новый поэт открывал совсем незнакомый, какой-то нематериальный мир звуков, запахов и цветов, воспринимающийся на уровне ощущения, впечатления. Это были стихи о грустных пейзажах, несказанной печали, тоске, осеннем одиночестве в сумерках души и природы, о разочаровании и неотвратимости судьбы. Он уже тогда предчувствовал роковую обреченность человека, рожденного под знаком Сатурна.

*... Я знаю, кто рожден под вещью звездой
Сатурна желтого, столь чтимого волхвами,
Тому судьба грозит несчетными скорбями:
Смутился дух его тревожною мечтой,
Бессильный разум в нем замолкнет пред судьбой,
И ядовитою горячею волною
Польется кровь его кипящею струею;
Тоскуя, отлетит на небо идеал,*

Артур Сергеевич написал музыку на многие произведения Ахматовой, в том числе и на "Четки", корректуру которых она подарила ему при первом знакомстве. Анна Андреевна работала над либретто к балету Лурье "Снежная маска".

А тогда, в 10-х годах, в период их романа, в стихах Ахматовой образ Лурье был связан с образом царя Давида, древнееврейского царя-музыканта. Еврейство, от которого он отказался в пользу европейского, вероятно, было для Ахматовой важнее ("И загадочных, древних ликов на меня посмотрели очи...").

В начале 20-х годов Лурье был комиссаром Музыкального отдела Наркомпроса. Позже он писал, что вместе с Блоком "слушал музыку революции" в то "фантастическое, невероятное время". Для Ахматовой быть подругой комиссара, католика, футуриста, недавнего денди было знаком особой личной свободы, на которой настаивали художники "серебряного века". В 1922 году Лурье уехал в командировку в Берлин, затем в Париж и больше в Россию не возвращался. Вероятно, зная об этом, он умолял провожавшую его Ахматову приехать к нему. Она осталась в России. Было еще семнадцать писем, устные просьбы из Парижа через родных и знакомых... А потом связь между ними прервалась на долгие десятилетия.

Только в 1963 году американский гражданин Артур Сергеевич Лурье решился написать Анне Андреевне, надеясь, что связь с эмигрантом уже не сможет ей навредить: "Моя дорогая Аннушка, недавно я где-то прочел о том, что когда д'Аннуцио и Дузе встретились после 20 лет разлуки, то оба они стали друг перед другом на колени и заплакали. А что я могу тебе сказать? ...Написал я громадную оперу "Арап Петра Великого", и посвятил ее памяти алтарей и очагов. Это памятник русской культуре, русскому народу и русской истории... Здесь никому ничего не нужно и путь для иностранцев закрыт. Все это ты предвидела уже 40 лет назад: "полюнь пахнет хлеб чужой".

Анна Ахматова ответила ему, но не письмом, а стихами, написанными некоторое время спустя и вполне воспринимающимися как ответ:

*Я гашу те заветные свечи,
Мой окончен волшебный вечер, —
Палачи, самозванцы, предтечи
И, увы, прокурорские речи,
Все уходит — мне снишься ты —
Доплясавший свое пред ковчегом,
За дождем, за ветром, за снегом.
Тень твоя над бессмертным брегом,
Голос твой из недр темноты.
И по имени! Как неустанно
Вслух зовешь меня снова... "Анна!"
Говоришь мне, как прежде, "Ты!"*

Где бы ни жил Артур Лурье, в спальне у него всегда стояла фотография Ахматовой. Пережив множество любовных увлечений, он признается перед смертью, что всю жизнь искал вторую такую, пока не понял: двух Ахматовых не бывает.

*Когда она, минувя стыд и мнения,
вдруг полюбила, он почти оглох
и стихоплетством потакал сплетению
их душ. Тогда он только-то и мог...
И там, за океаном, все расстратив,
хотел избегнуть он мирских тревог.
И музыкой звучал в его палате
их давний дерзновенный диалог.
А я... боюсь их тени потревожить,
ну, что же, что со мной они всегда...
Не с той, самодовольной и ничтожной,
а с нею, с Анною, струсилась беда.
Беда. С худой и горбоносой Музой.
И надо ж было ей родиться на Земле...
Нет, на Земле не развязать тот узел,
над Киевом взлетев на помеле.
И все ж остаться надо было здесь ей.
Остаться. Ведьмам место только здесь.
И выть, и плакать, и воскреснуть вместе
с его аккордами. Да помешала спесь.
Но бешеная кровь к нему всегда влекла ее
Сужденной всем единственной дорогой.*

*В его симфонии — как будто два закланья,
два их бессмертия у одного порога...*

В.Шпак. Два бессмертия. Анна Ахматова и Артур Лурье.

(Звучит 10-ая песня "Посвящение в альбом" на польском языке).

10-й ведущий. Под этими стихами Адам Мицкевич поставил дату: 22 октября 1824 года. Написал и задумался. Ровно год назад он был арестован вместе со своими товарищами по делу о филوماتеях и филаретах, так называемых "друзьях науки" и "любителях добродетели", объединявших патриотически настроенных польских студентов Виленского университета. И хотя на допросах никто не назвал его имени, подозрения у властей все же остались. Тогда, в апреле 1824 года, его освободили из базилианского монастыря Святой Троицы, обязав в ожидании приговора не покидать пределы Вильно. И вот, снова спустя полгода, в ставшее уже роковым 22 октября он получает предписание в течение двух дней покинуть Литву и выехать в центральные губернии России.

Хотелось увидеться с друзьями, поговорить, попроситься. И в первую очередь с той, которая эти трудные полгода поддерживала его, в общении с кем он возрождался из тоски и уныния, читая стихи на родном языке. Именно ей, Саломее Бекю, он посвятил эти строки, обозначив лишь буквами С.Б.

Саломея Бекю (урожденная Янушевская) была необыкновенной женщиной, умной, образованной, хорошо знающей польскую литературу, а главное — умеющей слушать. Где бы она ни жила — в родном ли Кременце, когда была женой профессора Волынской гимназии Эвзебиуша Словацкого, или в Вильно, куда переехала через четыре года после смерти мужа, выйдя замуж за доктора медицины и философии Августа Бекю, — везде ее дом оказывался в центре внимания местных литераторов и интеллектуальной элиты. Саломея сочувственно относилась к студентам — польским патриотам, переживая за их судьбу после ареста, всячески оказывая поддержку. Двери ее дома на Замковой, 22 всегда были открыты для опальной интеллигенции, в том числе и для молодого поэта.

На этот раз визит был коротким. "Это Вам, ясная пани... На память. Кто знает, увидимся ли еще раз в этой жизни..." и, не договорив, быстро вышел из комнаты. Он шел, взволнованный, не оглядываясь и не видя, как молилась за него пани Саломея и как долго вслед ему смотрел ее сын Юлек. Юлиуш Словацкий.

Он оказался прав: больше в этой жизни они никогда не увиделись. Саломея Бекю умерла в родном Кременце в один год с Мицкевичем. Сын ее Юлиуш Словацкий стал вторым из триумвирата польских поэтов-романтиков: Мицкевич-Словацкий-Красиньский, был вынужден эмигрировать, умер в Париже. Уже в двадцатом веке прах его был перенесен в Краков и похоронен в Вавельском кафедральном соборе рядом с могилой Мицкевича.

(Звучит 10-я песня "Посвящение в альбом" на русском языке).

1-й ведущий.

*Я мысленно вхожу в ваш кабинет,
Здесь те, кто был, и те, кого уж нет,
Но чья для нас не умерла химера,
И бьется сердце, взятое в их плен.
Бодлера лик, норманский ус Флобера,
Скептический Франс, святой сатир Верлен,
Кузнец Бальзак, чеканщики Гонкуры...
Их лица терпкие и четкие фигуры
Глядят со стен и спят в сафьянах книг.
Их дух, их мысль, их ритм, их крик...
Я верен им, я верен им.*

М.Волошин

(Звучит вступление к песне "Я мысленно вхожу в ваш кабинет").

Т. И. Тверитинова,
кандидат филологических наук
Гуманитарный институт Киевского городского
педагогического института им. Гринченко